

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ
ЗАЩИТЫ МИРА

ВЕК **XX** И МИР

■ EL SIGLO XX Y LA PAZ ■ ■ DAS 20. JAHRHUNDERT UND DER FRIEDEN ■

В НОМЕРЕ:

БЕЗ УБИЙСТВ

Консерватор и либерал о
программе КПСС по национальному вопросу

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Поиск новой доктрины

ДОБРЫЕ И ЗЛЫЕ ДЕЛА

Помощь узникам совести в СССР

ISSN 0320 8004

11/89

В НОМЕРЕ:

Почта

«УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ...»

2

Мы: страна в движении

Д. ФУРМАН. Осторожно с империями

6

О. ПЧЕЛИНЦЕВ. Люди — прежде наций

10

Проблемы и суждения

В. АЛТАЕВ. Государственная безопасность

14

Эссе

М. БЛЮМЕНКРАНЦ. Испытание свободой

22

Наши интервью

В. ЗЕЛЕНДИНОВА. Те, кто не жаловался

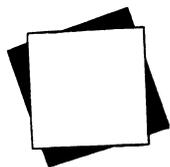
25

Актуальная тема

И. БАЗИЛЕВА, П. ЭМЕРСОН. Через разногласия — к согласию

28

На второй странице обложки — рисунок Игоря СМЕРНОВА, на третьей — Михаил ДУХОМЕНКО «Красная книга».

«Уважаемая редакция...»

Вопрос... кому?

Поскольку «Век XX и мир» издается Советским комитетом защиты мира при содействии Фонда мира, я бы хотела задать вам вопрос в надежде на обстоятельный и правдивый ответ.

Скажите, пожалуйста, почему в программах ЦТ последнего времени (особенно конец июля—август этого года) так много фильмов о войне? Буквально ежедневно с экранов гремят выстрелы, падают убитые, стонут раненые, рушатся дома и пикируют самолеты. К чему бы это?

В День Воздушного флота СССР по ТВ показывали долгий и нудный воздушный парад из Москвы. Каждое выступление сопровождалось комментариями военных, буквально смаковавших возможности самолетов и вертолетов по уничтожению людей.

Особенно неприятным и долгим был комментарий насчет необычайно юркого вертолета, оснащенного кучей оружия. В голосе комментатора звучал восторг. Но, возможно, вы и сами видели этого людоедского монстра. От всей этой военизированной шумихи у меня очень тягостное впечатление.

Я родилась через семь лет после окончания войны и, поверьте, уже до одури насмотрелась и в кино, и по телевидению на войну, и это при том, что с детства постоянно слышала слова о «мире во всем мире». Еще с детства меня мучил вопрос — если мы хотим мира (а это несомненно так), то зачем так долго и навязчиво воспевали войну и насилие по всем средствам массовой информации?

Скоро полвека минет, как эта война окончилась, а «соловьи Генштаба» не переводятся.

Когда же мы начнем мирную жизнь?

У нас с мужем двое детей — дочь и сын, и, как любая мать на земном шаре, я ращу своих детей для мирного будущего, а не для войны. И пусть говорят, что такие тягостные воздушные парады существуют для укрепления обороноспособности нашей страны, что этот страшный вертолет будет убивать не наших детей, а солдатиков чужой армии, я — против этого: и против показа, и против убийства. Ведь у всех солдат всех стран мира есть матери, и мне их всех жалко, так как я знаю, что такое выносить под сердцем, родить и воспитать ребенка. Жаль, что этого не понимают могучие руководители наших военных ведомств, они сплошь — мужчины и кроме себя и своих детей никого не склонны жалеть.

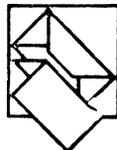
Вот я и думаю — вся эта военизация по ЦТ, что это?

Желание запугать? Игра мускулов? Или что-то еще?

Очень хорошо сказал М. Жванецкий в своей юмореске о Съезде народных депутатов: «...затем выступили представители армии, этого любимого детища нашего народа, и дали понять, что набыют морду всякому, кто в этом усомнится».

Лучше не скажешь...

Международное наше положение, к счастью, стремительно улучшается, идет сокращение ядерных вооружений, но до настоящего сокращения численности армии у нас еще не дошло.

Достаточно оглядеться вокруг и сразу бросаются в глаза обилие людей в военной форме. Как-то, интереса ради, в центре города насчитала за час 96 человек. И это в будний день, в городе Тюмени, где нет военных училищ, крупных частей, да и время было непризывное.

Как известно, В. И. Ленин после гражданской войны, желая наладить мирные отношения с соседними странами, сократил армию в десять раз. А у нас со сталинских времен росла, как на дрожжах. С нашей хилой экономикой такую громаду просто не прокормить.

Нужна, я считаю, профессиональная армия, небольшая (по нынешним меркам), но достаточная для обороны. А чтобы понятия Родина и Армия совпадали, необходимо принять за правило, чтобы воинская служба проходила там, где ты родился,— это нормально для правового государства и губительно — для тоталитарного. (Это для солдат срочной службы. Профессиональная армия должна быть мобильной и заниматься исключительно обороной.)

Честно говоря, я уверена, что пока мы занимаемся перестройкой

внутри страны и налаживаем дружеских контактов с другими странами,— никто на нас не нападет. А вот гражданская война внутри страны (не дай Бог!) может привести и к международным конфликтам.

Самое страшное, на мой взгляд, что солдат могут принудить воевать с собственным народом внутри страны в угоду политическим амбициям. Пример: кровавое побоище в Тбилиси, где армия выполняла не своиственные ей полицейские функции.

И если мы идем к правому государству, то как воздух необходим закон, позволяющий солдатам Советской Армии отказываться от выполнения антигуманных, бесчеловеческих приказов как за рубежом, так и внутри страны.

У нас в стране Закон запрещает демонстрацию насилия, порнографии и военной истерии.

По моему глубокому убеждению, ЦТ в последнее время постоянно нарушает этот Закон, занимаясь прямой пропагандой войны.

**Валентина ШАКИНА,
г. Тюмень.**

МИР НАШЕМУ ДОМУ

Накануне мы вернулись из Абхазии. Готовили там репортажи для своей газеты. Насмотрелись на избитых людей, на несущих боевую службу мальчиков-курсантов в бронжилетах, видели перевернутые сожженные машины и горы оружия. Это было как какое-то наваждение — в нашу страну вдруг ворвались события, которые мы больше привыкли видеть по телевизору, в иностранной кинохронике...

Сообразуясь с обстановкой, активисты Сочинского городского комитета защиты мира решили глав-

ным мероприятием «Волны мира» в этом году сделать интернациональный фольклорный праздник в поселке Эсто-Садок. Жизнь словно подсказала — пришла пора защищать мир не абстрактно, сжигая декоративные ракеты на площадях. Пришла пора защищать конкретный мир наших народов в нашей собственной стране. И мы поехали в Эсто-Садок едва вернувшись из Сухуми.

Здесь, в горных селениях близ Сочи, много лет вместе живут и вместе работают люди самых раз-

ных национальностей. Медовеевку основали украинцы. Волкову — русские, Красную поляну — греки, Большой и Малый Кичмай — адыгейцы, Молдовку, Краевско-Армянское, Эсто-Садок — ну, это понятно. Даже история этих сел похожа. На Черноморское побережье после реформы 1861 года потекли разорившиеся крестьяне из всех уголков империи Романовых. Они бежали сюда от классового и национального гнета с желанием трудиться и мирно жить. Они принесли сюда обычаи и свою культуру. И все здесь переплелось.

В 1886 году в эти горные края перебрались 36 эстонских семей. Пришли в конце лета, и первую зиму им помогли пережить уже осевшие тут русские, греки, адыгейцы, грузины и абхазцы. Постепенно вырос Эсто-Садок. В 1912 году несколько месяцев в поселке провел будущий классик эстонской литературы Антон Таммсааре. В небольшом домике, где он нашел приют, написал несколько рассказов, очерк об эстонском поселении, перевел две книги. Пять лет спустя по своим сочинским впечатлениям создал повесть «Оттенки». В 1988 году в домике Таммсааре был открыт мемориальный музей писателя. А большая изумрудная поляна неподалеку от музея превратилась в место традиционных торжеств.

И вот в горном поселке Эсто-Садок начался большой фольклорный праздник. Из Таллинна сюда приехали артисты ансамбля народного танца и камерного хора. Из Сочи — исполнители русских танцев и народных песен. Из Адлера — группа армянских женщин, эвакуированных на побережье после землетрясения. И еще — множество самодетельных коллективов — адыгейцы, грузины, греки, украинцы, абхазы...

На изумрудной поляне начались танцы. Смешивались в общей веселой толпе парни в черкесках и де-

вушки в кокошниках. Белокурые прибалтики фотографировались в обнимку с адыгейцами, смеялись над их декоративными кинжалами. В буфетах по краю поляны продавались грузинские, армянские, эстонские, русские кушанья. И возле книжного киоска стояла очередь за книгами Пушкина и Таммсааре, Гамзатова и Шевченко, Айтматова и Искандера.

А в первых рядах зрителей прямо на траве сидели ребяташки. Они совсем одинаково воспринимали все, смеялись, аплодировали, удивлялись и хохотали. Наверное, расспросив их, мы могли бы насчитать с десятков национальностей. Но только вдруг как-то унизительно показалось делать это. На солнечной поляне радовались яркому дню советские дети. Наши дети.

Черт возьми! Ну почему мы оскорбляем и убиваем друг друга — в Сумгаите, Фергане, Сухуми? Почему пренебрежительные нотки звучат в московских, кишиневских и рижских автобусах? Почему?

О нерушимой дружбе советских народов мы говорили со всех трибун много раз. Писали во всех журналах. Слова эти оказались затертыми. Сейчас, вероятно, все надо начинать сначала. И по-другому. Не с деклараций. А может, вот с таких знакомств с культурными традициями братских народов. С переписки других республик. С общих книжек.

Только, ради бога, не надо больших лживых плакатов на площадях. События в Сухуми показали — именно на таких площадях происходят кровавые драмы. Нам нужны изумрудные поляны, где о дружбе народов даже не приходится говорить — все ясно и так.

Игорь СИЗОВ,
корреспондент Краснодарской
краевой курортной газеты
«Черноморская здравница»,
г. Сочи.

Бочка с порохом

В № 1 за 1989 год (стр. 29) А. Наумов из Благовещенска пишет: «В первую очередь надо избавиться от такого явления, как **стройбат**, — системы принудительного труда под видом службы в Советской Армии».

Я вполне присоединяюсь к его мнению. Но в том вопросе, который затронут А. Наумовым, есть еще одна малоизвестная сторона. Дело в том, что наши военкоматы отправляют в военно-строительный отряд (ВСО) как парней с теми или иными увечьями, недостатками, болезнями, так и тех, кто был осужден за уголовные преступления и отбывал наказание, а также тех, кто состоял на учете в детской комнате милиции.

Что получается, когда людей физически слабых соединяют с людьми физически крепкими и лишеными каких бы то ни было моральных норм, заставляя и тех и других выполнять тяжелую физическую работу?

Ясно как день, что прошедшие сквозь зоны и тюрьмы атлеты будут избивать несчастных бедолаг до полусмерти и что все тяжкие обязанности и повинности армии — от процесса очищения сортира до перетаскивания всевозможных тяжестей — лягут на неокрепшие плечи слабаков. И всякое административное воздействие, даже с самыми хорошими целями, будет здесь бессильно.

Наше советское офицерство прекрасно знает — даже в деталях — об этой весьма гнусной стороне армейской жизни, но отнюдь не пытается хоть как-то изменить ситуацию. Оно просто держит все эти процессы и отношения под своим контролем. Там, где они позволяют выполнить план по производству, оно дает им волю. Там, где они уж слишком выходят за рамки (побег, самоубийства физически

слабых солдат), — оно их ограничивает, порою очень и очень жестоко (штрафбаты, «губа»).

Каковы последствия этой системы?

1. В каждом взводе стройбата существуют двое или трое человек, морально опущенных (ЧМО). Это вечно грязные, постоянно, шаг за шагом, теряют человеческий облик. В конце концов они кончают пьянством, бродяжничеством, психиатрическими лечебницами, тюрьмами.

2. Атлеты — «тюремщики» обычно кучкуются в небольшие группы, чаще по национальному признаку (на тюремном жаргоне — шобла). Против этой шоблы для основного большинства существует единственное спасение — аналогичная группировка по национальному признаку (землячество). Парень очень четко познает, что «своя нация — это друзья, а все остальные — враги», — со всеми последствиями для советской межнациональной политики.

3. Примерно одна треть стройбата работает, что называется, от зари до зари, с полным напряжением сил, подгоняемая пинками сержантов и «тюремщиков».

Вопрос о стройбате, я думаю, надо немедленно поставить на ближайшем Съезде народных депутатов. Стройбат — это бочка с порохом.

Факты, о которых здесь сообщается, я узнал от своих близких друзей, служивших в ВСО. Мы много разговаривали на эту тему в дружественной, неформальной обстановке, возмущались, спорили, предлагали различные решения. Поэтому все, о чем пишу, — это правда. Очень прошу опубликовать мое письмо — может быть, тогда что-то изменится.

Николай ТУЛИН,
г. Грозный.

ОСТОРОЖНО С ИМПЕРИЯМИ

Мысли либерала

Дмитрий ФУРМАН

Принята платформа КПСС по национальной политике. Программа, по-моему, хорошая, хотя она, несомненно, не удовлетворит всех и, совершенно несомненно, не положит конец национальным конфликтам, раздиравшим последние годы наше государство и грозившим перейти в его неконтролируемый развал и кровавый хаос (хотя, будем надеяться, несколько утихомирят страсти). Но, как мне думается, в платформе, вернее, в ее осмыслении, есть один принципиальный недостаток: не ясно, что это — временная программа, рассчитанная на какой-то срок, после чего она сменится новой, что в конце концов должно привести нас к какой-то цели (к какой?), или программа «самодостаточная», реализация которой уже приведет нас к идеальному состоянию. Для того, чтобы ответить на этот вопрос, надо рассмотреть ее место в логике нашего исторического развития.

* * *

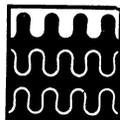
Со времени нашей революции и возникновения СССР наше государство в национальном отношении представляло собой двойственное и противоречивое образование.

С одной стороны, основатели нашего государства видели в нем союз абсолютно равноправных народов, объединяемых революционной идеологией и задачей построения нового общества. Его связь с Российской империей мыслилась как исключительно «генетическая», временная и относительно случайная. Просто «так получилось», что этот

союз впервые возник на территории империи, но он никак этой территорией не ограничен и по мере совершения пролетарских революций в разных странах он будет расти, пока не станет всемирным союзом народов.

Поэтому в названии нашего государства нет ничего, указывающего на его национальную ограниченность. Этот Союз Советских Социалистических Республик — не союз республик, который «сплотила навеки великая Русь», не союз республик, возникших на территории Российской империи, а просто союз республик, поскольку они советские и социалистические. К этому надо добавить, что перерастание этого союза во всемирный мыслилось в эпоху его создания перспективой отнюдь не бесконечно далекой, а напротив, очень реальной и близкой.

Но с самого же начала нашего государства существовало и другое его восприятие. Для революционеров-марксистов это был зародыш всемирного социалистического государства. Но для многочисленных представителей старой интеллигенции, пошедших на службу к новой власти, оно было естественным продолжением старой России: новой, но Россией. Для громадной массы людей, большинства, не усвоившего новую идеологию или усвоившего ее поверхностно (и русских, и не русских), новое государство также было просто Россией, в которой произошла революция, Российской империей под новой вывеской. Наконец, так же воспринималось новое государство и за границей (естественно, кроме коммунистов). И надо ска-

зат, что подобное восприятие имело основанием не только «пережитки» прошлого, но и реалии настоящего.

В самом деле, ведь Октябрьская революция была не украинской или литовской, а именно русской революцией. Она победила прежде всего в историческом центре России и затем уже с революционными армиями распространилась на окраины бывшей империи. При этом, хотя наша революция с самого начала провозгласила право наций на самоопределение, говорить о добровольном объединении народов этих окраин с революционной Россией не приходилось — плебисцитов и свободных выборов никто не проводил. Поэтому как бы ни воспринималось идеологически, например, вступление Красной Армии в Грузию, какая бы идеология у этой армии ни была, объективно это была русская армия, вступающая в обрешую на недолгое время независимость окраину Российской империи. Парадокс истории заключается в том, что именно интернационализм большевиков позволил им восстановить (в основном) территориальную целостность старой империи, государство, сохраняющее старые «имперские» этнические соотношения — русский центр и «иностранческие» окраины, что прекрасно поняли многие русские патриоты, которые стали честно служить новой власти.

Это второе восприятие нового государства как продолжения Российской империи, естественно, все более крепло и выступало на первый план по мере того, как отступали надежды на мировую революцию и «эсхатологические ожидания», пока в предвоенные и военные годы оно не стало чем-то вроде второй официальной идеологии, находящейся в странном симбиозе с первой, интернационалистски-марксистской. В это время окончательно складывается очень сложный, противоречивый и «ану-сообразный» характер нашего государства, одновременно — союза равноправных народов и великой России. Это противоречивость и двойственность проявляется на всех уровнях и во всех сферах.

На уровне идеологической символики,

где интернационалистские формулы (равноправие, расцвет социалистических наций и т. д.) соседствовали с русской национальной и имперской символикой (Советская Армия — приемник русской армии, у нас были ордена Кутузова, Суворова, Нахимова). Проявилось это и в нашем гимне с его удивительной формулой: «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки великая Русь»

На уровне национальной политики, где сознательная русификация сочеталась со столь же сознательными мерами по подъему национальных культур, когда параллельно и одновременно могли закрываться национальные школы и создаваться университеты, готовящие национальные кадры, и где постоянные «сползания» к фактическому разрыву также постоянно сдерживались официальным интернационализмом.

На уровне внешней политики, где имперская идеология и интернационализм взаимодействовали самым причудливым образом. При этом имперская идеология не только вела к экспансионизму, но и сдерживала его, ибо мелочно восстанавливая имперские завоевания старой России (вплоть до Порт-Артура, особых интересов в Маньчжурии и возрождения лозунгов о Боспоре и Дарданеллах), Сталин одновременно боится переходить границы старой империи и разрушить основные этнические соотношения государства, включив в него восточноевропейские страны (чего, безусловно, не побоялись бы в 20-е годы).

На уровне государственного устройства, где Россия — единственная союзная республика без своей столицы, партии, и, соответственно, ЦК, Академии Наук и т. д., ибо подразумевается, что общесоюзная столица, ЦК, академия и т. д., — это «в основном» русские ЦК и академия, и появление наряду с ними российских, практически означало бы разрушение того молчаливого отождествления России и СССР, на котором базируется наше государство, «распад империи».

Такая крайне противоречивая ситуация могла держаться лишь в условиях тоталитарной диктатуры, достаточно мощ-

ной, чтобы не позволять одной из сторон этого противоречивого единства «взять верх» над другой, которая не допускала бы ни подъема окраинного национализма, ни чрезмерного роста русского шовинизма. При этом все многочисленные и естественные национальные противоречия были загнаны вглубь, спрятаны от глаз. И они не «рассасывались», а накапливались в силу совершенно объективного, естественного хода вещей — подъема культуры ранее отсталых окраинных народов, становления мощной национальной интеллигенции и бюрократии, не желающих больше занимать неполноправное положение. При этом сама русификация вела к подъему национальных движений, создавая маргинальные группы с обостренным этническим чувством — вспомним, что и во главе национальных движений в Индии или на Цейлоне вставали не традиционные группы, а люди, прекрасно говорившие по-английски, окончившие Оксфорды и Кембриджи. Наконец, росту национальных чувств способствует и естественный упадок скрепляющей «империю» идеологии догматического марксизма. При этом растет и русский национализм, дестабилизирующий «империю» «с другого конца» и сейчас таким же парадоксальным образом способствующий ликвидации «великой России», как в свое время интернационализм способствовал ее сохранению. Одним словом, в котле все более накапливался пар, и естественно, что демократизация — открытие крана — привела к тому, что удерживать этот кран в руках уже невозможно или, во всяком случае, крайне трудно.

* * *

Наше руководство, начав процесс демократизации, безусловно, не предполагало, что он приведет к национальному взрыву тех масштабов, которые мы наблюдаем сейчас. Возможно, здесь сказался наш «материализм», убежденность, что главное — экономика, и мне кажется, что даже сейчас господствует представление, что взрыв национализма — нечто временное, связанное с недостаточной политической развитостью, экономическими трудностями и т. д.,

надо переждать, кое-что подправить, и все встанет на свои места. Но мне думается, что это не совсем так.

Разумеется, все это есть. Разумеется, очень многое в современном взрыве национальных конфликтов — болезнь роста. Но все же это не главное. Главное — это то, что наше государство — это не союз наций, имеющих (реально, а не на словах) право на самоопределение и объединившихся добровольно. Между тем право наций на самоопределение, как и вообще все демократические права — это не благое пожелание. Это — не лозунг, унаследованный нами из прошлого, а сила «притягивающая» нас из будущего, одна из энтелехий нашего развития (как демократия, правовое государство, свободная экономика).

Это — объективная потребность современного развития, уже разрушившая все империи, все недобровольные межнациональные образования, кроме последнего, спрятавшегося за нашим фасадом, но обреченного так же, как была обречена Оттоманская или Британская империя. У нас нет альтернативы — сохранить эти добровольные имперские связи, скрепляющие наше государство, или утратить их. Есть лишь альтернатива — утратить их в кровавой каше, пройдя через целую серию войн (подобных кровавой каше, возникшей при распаде английской империи в Индии, бельгийской в Конго и т. д.) или утратить их постепенно, мирно и планомерно, максимально сохранив взаимовыгодные связи между народами, переводя их, где возможно, из недобровольных в добровольные. Вполне вероятно, хотя это и очень трудно, что нам удастся сохранить много таких связей, но надо четко понимать — эта новая федерация будет принципиально новым государственным образованием, а не «подправленным» Советским Союзом, как Британское содружество наций — не новое издание Британской империи, а образующаяся западноевропейская федерация — не новое издание средневековой Священной Римской империи.

Но что значит — планомерное разрушение недобровольных связей? Это значит, прежде всего, что мы должны отказаться от демагогических утвержде-

ний, что у нас уже есть право наций на самоопределение. Его нет хотя бы потому, что еще и тех демократических институтов, посредством которых нации могли бы адекватно выражать свою волю и осуществлять это право. Но одновременно мы должны признать, что право на самоопределение — наша конечная цель (как оно есть одновременно объективная потребность современного развития), цель, к которой мы будем идти сознательно, постепенно и планомерно.

Я думаю, что именно в этом ключе надо понимать и платформу КПСС по национальной политике. Ее безусловно нельзя считать средством решения всех национальных проблем. Но и не надо нападать на нее за ее многие и совершенно неизбежные компромиссы и недоговоренности. Надо четко понять, что хотим мы этого или не хотим, это — программа-минимум, а не максимум, это шаг на пути к конечной цели — праву на самоопределение, за которым нам, опять-таки, хотим мы этого или не хотим, придется делать следующие шаги.

Мне думается, что такое провозглашение права наций на самоопределение целью, а платформы — ступенью к достижению этой цели, помогло бы в какой-то мере смягчить остроту современных конфликтов. Сейчас многие прибалты, молдаване, грузины рассуждают лишь в плане — свобода или не свобода, выходим мы из Союза или нет, есть ли у нас такое право или нет. Но ведь дело не просто в этом праве, дело еще и в том, чтобы имеющие это право народы могли бы одновременно быть демократическими обществами, живущими в мире и дружбе со своими демократическими же соседями.

Попробуем представить себе на минуту, что мы сейчас уведим все войска с Кавказа, предоставив Кавказ самому себе. Но это же совершенно кошмарная перспектива — ведь совершенно очевидно, что Кавказ тут же превратится во второй Ливан. Или представим себе, что Союз распался, Россия вернулась на территорию Московской Руси, но измученный, невротический и униженный русский народ устанавливает диктатуру фашистского типа — желает ли Эстония иметь такого соседа? Значит, дело

не только в праве на самоопределение, дело еще и в том, чтобы мы все вместе дошли до той стадии развития, при которой осуществление этого права не привело бы к катастрофическим последствиям.

Эти катастрофические последствия слишком быстрой реализации права на самоопределение тысячекратно усугубляются тем, что СССР — ядерная держава, а представить себе опасности неконтролируемого распада ядерной державы предоставим любителям острых ощущений.

Поэтому мне думается, что параллельно с признанием права на самоопределение и исторической неизбежностью и нашей конечной целью (но только в этом случае), мы должны одновременно, как это ни кажется парадоксальным, принять серию мер, направленных на подавление движений, дестабилизирующих Союз. Мы не можем сказать, что мы вообще никогда не допустим, чтобы Эстония вышла из СССР. Но мы можем сказать твердо и жестко, что мы не допустим этого, пока в Эстонии и во всем СССР не установятся прочные и развитые демократические институты, пока мы осуществляем болезненную экономическую реформу, пока сами эстонцы не пришли к согласию со своим русским меньшинством.

Признание неизбежности конечного полного осуществления права на самоопределение не означает «либерализма» к тем, кто не хочет думать ни о чем, кроме немедленного осуществления этого права и разжигает национальные страсти. До сих пор мы в национальном вопросе двигались стихийно, влекомые непонятными для нас силами, — колеблясь между неумелыми и даже жалкими проявлениями «великодержавной» силы (резня в Тбилиси, «стальные нотки» в заявлении о Прибалтике) и такими же проявлениями «либеральной» слабости. Но и «великодержавной» силе, и «либеральной» слабости есть альтернатива: это четкое сознание того, куда влекут нас объективные, закономерные процессы нашего развития, и сознательное, целеустремленное, осторожное, но твердое движение в этом направлении. Програм-

ма КПСС — сознательный шаг в верном направлении. Но для того, чтобы он был эффективен, чтобы вслед

за ним не было шагов назад или в сторону, или просто стояния на месте, надо видеть весь путь.

Люди — прежде наций

Мысли консерватора

Олег ПЧЕЛИНЦЕВ,
кандидат экономических наук

Учащающиеся межнациональные конфликты ложатся тяжелым бременем на страну, ведут к нравственной деградации миллионов людей, особенно молодежи. В этой связи естественно желание понять: что же это за «национальный вопрос», имеет ли он решение, и если да, то что нам делать?

Я принадлежу к той разновидности консерваторов, которые убеждены: в нормальных условиях жизни «национальный вопрос» — второстепенный. В современном мире есть тысячи вопросов более важных — технологические, экономические, социальные, экологические, культурные и т.д. Все светлое в жизни человечества связано с формированием универсальной культуры, и любая вспышка специфически национальных эмоций является шагом назад, признаком духовного и нравственного нездоровья личности и ее общества. Символом национального для людей моего поколения навсегда останутся не выступление фольклорных ансамблей, а поступь нацистских штурмовых отрядов по улицам городов Германии. Апофеоз национализма — Освенцим.

Нынешнее обострение межнациональных отношений в СССР в огромной степени связано с отсутствием пока в нашей стране того уровня экономических свобод и ответственности, который позволил бы людям заняться стоящим делом, скажем, преодолением нашего позорного технологического отставания

от Запада, улучшением своей жизни. Даже в наиболее развитых республиках Прибалтики отказываются видеть в так называемых «мигрантах» своих сограждан и наивно верят, что с их выдворением тотчас наступит европейский рай. Увы, всякое деяние несет в себе возмездие. Чтобы изолировать, изгнать (или что еще менее вероятно, ассимилировать) сотни тысяч своих незваных сограждан, национальное движение должно развить в себе такие антидемократические свойства, которые закрывают ему вход в современную Европу.

В своих раздумьях по национальному вопросу я переходил от простодушной доктрины *ассимиляции* к впечатляющему «открытию» *нации* (что примерно соответствует нынешней стадии решения этого вопроса в СССР) и лишь в последнее время к менее знакомой читателям концепции *межнациональной интеграции*. Сразу замечу, эта последняя является официальной доктриной такой солидной страны, как Канада, и, по-моему, позволяет избежать крайностей явно не подходящего нам опыта решения национального вопроса в странах Западной Европы, с одной стороны, и США, с другой.

Западноевропейский опыт основан на формировании монолитного государства одной нации, и использование его в странах, с уже сложившимися многонациональным населением, предполагает мучительную хирургию массовых, по сути дела, насильственных депортаций. В от-

лично от этого, опыт США основан на принципе «плавильного котла», то есть ассимиляции всех национальностей, расстворения их в единой американской нации. Это, конечно, не хирургия, а терапия, но тоже крайне болезненная, ведущая к утрате многих специфически национальных ценностей.

Но страна оказалась населенной множеством малых народов, этнических групп и крупных наций, которые просто не собираются ни с кем ассимилироваться.

Именно нации-республики стали у нас в стране главными центрами этнической консолидации. Так, может быть, решение вопроса найдено? И дело лишь за тем, чтобы создать на месте СССР 15 независимых республик?

Увы, все обстоит гораздо сложнее. Практически все наши республики (за исключением Армении) многонациональны — да и Армения стала «этнически чистой» только недавно, в результате бегства азербайджанцев. Для населения любой национальности, кроме «коренной», выход из СССР означал бы несчастье, а для некоторых из них, — прямую угрозу геноцида. Печальный опыт Ферганы и Абхазии в этом убеждает. Особенно остро стоит проблема русскоязычного населения. Это десятки и десятки миллионов людей, которые в существующей структуре лишены, по существу, политических прав. Не случайно в республиках Прибалтики получила хождение теория, согласно которой русский народ несет «особую ответственность» за ужасы сталинизма, а те его представители, которых эти ужасы загнали на землю Прибалтики, не должны считаться за полноправных людей, и выдворение их из нынешних мест проживания (вопреки формальной очевидности) не будет подпадать под международное определение геноцида.

Здесь, видимо, самое место оговориться, что приводя в качестве примера республики Прибалтики, я исхожу из того, что «кому многое дано, с того много и спросится». Можно только сожалеть о том, что насилие помешало этим нациям пойти по пути их североевропейских соседей, оформившихся в демократические многонациональные государства. Но исходить надо из реальности много-

национальных обществ в каждой республике, а не пытаться задним числом «исправить» историю, что на деле всегда оборачивается только новыми жертвами и ненужными человеческими страданиями.

Во главу угла должен стать критерий **безусловного соблюдения прав человека**. Именно он дает ключ и к решению национального вопроса. Процесс демократизации национальных отношений не должен быть «улицей с односторонним движением». Расширением самостоятельности основных наций СССР должно сопровождаться реальным улучшением положения проживающих совместно с ними граждан других национальностей.

Правом на самоопределение должны пользоваться не только народы, но и все национальные группы СССР, независимо от места их проживания. Конкретная форма такого самоопределения может быть определена только на основе консенсуса всех этнических групп, проживающих на данной территории. Практически этого можно добиться, придав местным Советам многонациональных районов нашей страны двухпалатную структуру по образцу Верховного Совета с введением для представителей этнических групп, составляющих более 10% населения данной территории, права вето. Это по существу, новый союзный договор, но не совсем тот, которого ждут «национально мыслящие» деятели союзных республик. Развязывая им руки в области экономики и культуры, он станет одновременно барьером на пути шовинизма и ассимиляторства. Пока у центра есть для этого возможности, он обязан употребить их во благо 60 миллионов (каждого пятого!) советских граждан, которые волею истории оказались запертыми на территории проживания других национальностей.

Кстати, что значит понятие «коренной национальности»? Трудно понять, каким образом это деление на людей первого и второго сорта благополучно прижились на нашей почве, вроде бы удобренной в свое время идеями интернационализма. Но прижилось — это факт. То, что происходит сейчас в некоторых республиках, отвратительно. Рушатся отношения между людьми, рушатся сотни и тысячи многонациональ-

ных коллективов — трудовых и территориальных. Не будем забывать, что разделение людей по признаку национальности так же безнравственно, как и по расовому признаку.

Я не верю, что нация — это истина в последней инстанции. Я не верю, что нация имеет моральное право и должна ассимилировать все и всяческие этнические «осколки» на своей территории. Нет, этот вопрос должен решаться только на основе индивидуального выбора самих граждан. Права человека и здесь — приоритет.

И не будем забывать: мир сложен. И когда знаменитый скульптор Э. Неизвестный говорит: «В Америке нет национальностей», — то здесь есть над чем задуматься.

В то же время неверно считать, что всякий человек или национальная группа могут селиться на территории любой другой нации, не принимая на себя при этом серьезнейших обязательств. Обязательства возникают, но выражаются они словом **интеграция**, интеграция в то общество, в котором живешь. Принцип интеграции обеспечил бы мир и сохранение сложившегося характера всех наших республик как многонациональных обществ.

Суть этого принципа очень проста: добросовестно выполнять обязанности гражданина данного государства, и ты можешь сохранять столько, сколько угодно, твою национальность, язык, религию, культуру. Все эти вопросы **отделяются от государства** и становятся глубоко личным делом каждого человека, семьи, общины. И именно в этом качестве — как условие неприкосновенности для государства частной жизни граждан — берутся под защиту.

* * *

Еще один «камень преткновения» для разумного решения национальных проблем — это вопрос об отношении к прошлому, которые каждый народ может предъявить в качестве счета другим народам. Но кому, собственно, мог бы сейчас предъявить счет великорусский националист за татаро-монгольское иго. Жителям Монгольской Народной Рес-

публики? Или, может быть, своим соседям — татарам? Всем понятно, что это был бы лишь неумный фарс. Но даже, если взять события близких дней, геноцид 1915—1918 годов в Турции, или истребление евреев и русских в Великой Отечественной войне, то кому предъявлять счет — горстке отвратительных склеротических стариков? Их детям? А они-то чем виноваты?..

Когда-то А. Линкольн гениально сказал: «С врагом можно сделать только две вещи — или уничтожить его или сделать другом». Хорошо бы усвоить совет и мудрецам Старого Света! Ведь это тоже **новое мышление**. Одним словом, я подвожу к мысли о спасительности исторического прощения, в первую очередь, для самой же пострадавшей нации.

Сказанное относится и к границам. Сколько копий ломается в доказательствах очевидного: что все существующие границы несправедливы, что под ними текут моря крови и что их надо менять. Но именно поэтому даже мельчайшее изменение границы есть величайший соблазн и повод проливать кровь еще.

Дестабилизирующий эффект возможного выхода из СССР одной или нескольких союзных республик неизбежно затронет и границы самих этих республик. Односторонние действия той или иной крупной нации будут восприняты всеми как сигнал для упорного торга, в том числе и по территориальным вопросам, в ходе которого остающиеся народы и республики постараются не упустить своей выгоды.

Необходимы согласованные решения с учетом глубоких социально-культурных различий между союзными республиками. Я, к примеру, не исключаю воссоздания таможенных границ, отделяющих глубинные районы Средней Азии, Закавказья или Прибалтику, — ведь были же такие границы в России. Возможны зоны «этнического покоя» для малых народов Севера или для Российского Нечерноземья, и любые другие нововведения, до которых мы вместе договоримся.

Сегодня никто не несет такого тяжелого бремени обязательств во имя единства и развития Союза, как Россия. И мы

отнесемся с пониманием к желанию союзных республик, в соответствии с Конституцией СССР, воспользоваться своим правом на самоопределение вплоть до государственного отделения. Тем более, что мы видим, какой вред наносит развитию, скажем, республик Средней Азии укоренившаяся привычка рассчитывать на помощь центра, недооценка собственных сил и важности мобилизации внутренних ресурсов.

Но нельзя допустить, чтобы государственное отделение превратилось в великое переселение, или того хуже, побиение малых народов и нацменьшинств, включая русско-язычное население. Если это случится, то вступают в силу обязательства СССР по защите прав человека.

В этой связи хотелось бы подчеркнуть, что историческое развитие СССР привело к серьезному отклонению фактического расселения наций от границ союз-

ных республик, в частности, к выделению своеобразного «ядра» Союза, состоящего из четырех республик — РСФСР, УССР, БССР и Казахской ССР, с которыми тесно связаны территории Киргизской ССР (за исключением Ошской области), Абхазской ССР и Ташкентской области Узбекистана. Разумеется, внутри этого ядра тоже существуют свои сложные этнические проблемы, но решение их неизбежно потребует продолжительного времени, определенно выводит нас за пределы 2000 года.

Для всех остальных республик проблема выбора оптимальной стратегии государственного развития может стать предметом активной дискуссии уже в настоящее время. Разумеется, окончательное решение по этим вопросам может приниматься лишь на основе общереспубликанских референдумов, проводимых под международным контролем.

ПОЧТА

РСФСР не Россия

Не первый раз встречаю публикацию, автор которой предлагает размежевать понятия русское — советское, Россия — СССР. Предложение, несомненно, продиктовано стремлением укрепить национальное взаимодоверие. Но оно затрагивает один исторический вопрос, пренебрегать которым, я думаю, нельзя.

Дело в том, что РСФСР это вовсе не Россия. Я хочу сказать, что исторически, этнически и географически «Россия — РСФСР» это не вся «Россия — Русь», а лишь одна из трех ее частей. Эти части: Украина (Малороссия), Дреговия (Белоруссия), и Московия (Великороссия).

Итак, что мы называем «Россией — РСФСР», — это «Московское государство», «Великая Москва», «Московия», жители ее — «моско-

витяне, и столицей ее может быть только Москва.

«Русь» — это Родина трех народов, страна, протянувшаяся от Карпат до Тихого океана. И она, я думаю, могла бы возродиться в едином федеративном государстве, если бы этого захотело большинство каждого из трех народов.

Вопрос о столице Руси решить нетрудно. Это могли бы быть три города или какой-то город в треугольнике Минск—Москва—Киев: старый (например, Рославль, Любеч, Путивль) или новый, на стыке границ Белоруссии, Украины и Московии. (Примеров такого разрешения вопросов в истории немало).

А вот столицей СССР мог бы стать Ленинград.

А. АКОПЯН,
г. Ашхабад.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

В поисках новой доктрины

Виктор АЛТАЕВ

ЦЕНА

На процедуре утверждения председателя КГБ на сессии Верховного Совета СССР В. А. Крючков заявил, что его ведомство не занимается прослушиванием телефонных разговоров. Но интересно, читают ли его подчиненные записи подслушанных телефонных разговоров и обзоры перлюстрированной почты, которые делают другие ведомства — например, Министерство связи? Ведь перед сортировщиками корреспонденции на почтамтах висят списки фамилий и адресов, вся корреспонденция по которым подлежит просмотру, перлюстрации или просто изъятию, а спецдеха телефонных станций и инспекций электросвязи хранят сотни километров записей телефонных разговоров.

Социально активным людям известен еще один аспект деятельности «конторы».

Наверное, половина всех работающих в стране и все без исключения начальники имеют допуски к секретной работе. Четвертушка бумажного листа с буквенно-цифровым кодом для них важнее паспорта, военного или партийного билета. Лишение допуска означает невозможность работать по специальности, потерю средств существования, а для жителей пограничных зон и закрытых городов — еще и потерю жилья. Секретность разбивает наше территориально-отраслевое устройство на крошечные сегменты, границы между которыми охраняются не менее строго, чем государственные. Иерархия уровней допуска делает начальников

совершенно незаменимыми. Ведь только они имеют представление о том, как работа разбита на части и кто занимается частями. Верховная власть в стране принадлежит тем, кто имеет представление о способах и формах засекречивания и о самой целостности секретно-режимного государства, тем, кто выдает допуски и их отбирает.

Всем пишущим людям — ученым, журналистам, писателям — знаком акт экспертизы, в котором типографским способом напечатано, что рекомендуемая к публикации работа не содержит ничего нового. Без этой бумажки, подписанной начальником первого отдела, до недавнего времени не принимались к публикации даже работы по истории философии. Цензура и самоцензура кастрировали научную и творческую деятельность и превратили ученых и публицистов в имитаторов творчества, в ловких интерпретаторов «классического наследия».

Борясь с несудами, растаскивающими все, что плохо лежит, государство всеми силами стимулировало аналогичную деятельность разведки, стаскивающей со всего мира продукты промышленной и информационной революции.

Может быть, Комитет Верховного Совета СССР по вопросам обороны и государственной безопасности интересуется вопросом о соотношении между доходами, полученными страной таким образом и социальными и экономическими потерями в результате того, что страну заставили произвести десятки тысяч ненужных танков, мно-

гие совершенно бесполезные ракетные системы и тысячи ядерных боеголовок первого и второго поколения, — тогда как наши потенциальные противники вложили средства в разработку оружия, основанного на новых физических и биологических принципах? Если к этому добавить экономические потери от эмбарго на экспорт в страны СЭВ продуктов современной технологии, введенного, в частности, из-за нашего стремления взять вещь, не заплатив за нее, то боюсь, что отдельные успехи разведчиков стоили стране слишком дорого.

Многие обвинения, традиционно бросаемые в адрес КГБ, лишены оснований, особенно обвинения в пренебрежении человеческими ценностями. Работники «органов» столь же моральные, сколь и все мы, и ищут виновных за провалы во внутренней и внешней политике везде, но не перед зеркалом. Но именно с КГБ связано ощущение страха и ничтожества перед силой, которая могла оформить антиконституционное «официальное предупреждение», засунуть в лагерь к уголовникам, оформить в спецсиббольницу или через своих помощников распуścić слух о предательском поведении на допросе или о том, что некто — стукач. До недавнего времени страх попасть в поле зрения «компетентных органов» сопровождал каждое действие людей, даже действия, актуализирующие собственное мнение. Сколько сил уходило у социологов на то, чтобы объяснить, что анкеты анонимны и их содержание не станет никому известным! Но все равно респонденты приступали к заполнению анкет как к подвигу, со страхом и отчаянием в глазах, — и самые простые спрашивали, уж не посадят ли их, если они напишут, что думают.

Система сыска, слежки и репрессий, созданная Сталиным вошла в плоть и кровь граждан нашего государства, стала неотъемлемым элементом деятельности государственных чиновников, общественных деятелей и простых людей. Границы между «зоной» и свободой были стерты, и жизнь на воле ничем не отличалась от лагерного быта. На-

мека на возможность самоорганизации было достаточно, чтобы превратить всех заподозренных в лагерную пыль. Страх упростил людей, и за три поколения, которые длилась эта война с живым обществом, сформировался особый человек, для которого лагерное двоемыслие и двоедушие стали необходимым условием выживания и вполне естественным социальным состоянием. КГБ после 1953 года «подбирало остатки», бдительно следя за естественно образующимися группами и старательно разрушая любые проявления социальной самоорганизации. Хиппи и стилиги, кришнаиты и йоги, самодельные историки и писатели, барды и музыканты нетрадиционных направлений, христиане, мусульмане, буддисты и многие другие в разные времена были объектом дезорганизующей деятельности отечественных спецслужб. Первые шаги перестройки показали цену этих усилий. Сложные формы самоорганизации оказались недоступными людям, у которых стремление к самовыражению преобратилось в страх перед репрессиями. Интеграция людей в группы сегодня происходит по примитивнейшим основаниям, таким, как национальная принадлежность, в противопоставлении «Мы — Они»: мы — хорошие, они — плохие. В результате — резня, погромы и бунты. Это — цена того, что у людей уничтожили способность к сложным формам общественных организаций и общественной работы.

Политика — не дело специальных служб. Их дело состоит в том, чтобы создать равные и безопасные условия для противоборствующих политических интересов всех граждан.

РЕАЛЬНОСТЬ

Система секретности и доноса обеспечивала безопасность застойного государства. Но безопасность эта очень странная. По количеству пожаров и поджогов мы давно занимаем первое место в мире. Десятилетие идет настоящая «рельсовая война», в которой гибнут сотни и сотни людей. Взрываются нефте- и газопроводы, заводы и шахты, тонут военные и гражданские

суда, желающие угоняют военные и гражданские самолеты. Реки, воздух, земля в местностях, где живет больше половины населения страны, отравлены отходами производства, леса вырублены, черноземы затоплены, невозобновимое сырье перекачено в емкости стратегических резервов стран — потенциальных противников. Взорвались 4-й блок Чернобыльской АЭС и хранилище для высокоактивных отходов в Кыштыме. Уничтожены стратегически важные направления исследований, такие, как генетика, кибернетика, электроника, отдельные области физики и химии. Национальные отношения вспыхнули острейшими конфликтами, доходящими иногда до боевых действий. Экономические и социальные потери от лавины катастроф и межнациональных столкновений несравнимы с ущербом, который принесли или могли бы принести несколько десятков иностранных агентов, которые были разоблачены КГБ в последние годы.

Кризисы и кризисные состояния — термины, ставшие обычными в словаре всех пишущих о проблемах перестройки. Парадоксальность ситуации в том, что социалистическое государство задумывалось и строилось как инструмент предотвращения социальной и экономической жизни из хаотической и неуправляемой в упорядоченную и рациональную.

Несколько десятилетий его развитие шло так, что многие исследователи и политики действительно считали проблему кризисов решенной окончательно и навсегда. Структурные элементы многоукладного общественного устройства, несоответствие между которым порождало кризисы, были полностью национализированы и включены в государство. Разрешенные и институализированные государством противоречия, такие, как отношения между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, между мужчинами и женщинами, между поколениями и т. п., легко и просто разрешались планированием социально-экономического развития, административным режимом (прописка, постановка на разные

виды учета), государственным регулированием трудовых, идеологических, национальных отношений, миграции и многими другими.

Государства нашего типа в принципе отличаются от всех других тем, что в идеологии, экономике, политике, в обыденной жизни их граждан законодательно (или каким-то другим запретительным образом) определены все пути-дороги, все приемлемые для государства отношения и связи. Государство насильственно дифференцировало одни социальные отношения и столь же насильственно интегрировало другие, собирая всех, кто шел или мог пойти не теми путями в изоляты, такие как ГУЛАГ, дома престарелых и инвалидов, психиатрические больницы — либо просто делало вид, что не существует бродяг и бомжей, алкоголиков и наркоманов, проституток и брошенных детей, стариков и старух, проводящих остаток жизни на привокзальных скверах или на чердаках заброшенных строений. Во всех странах есть институты учета граждан: удостоверение личности, водительские права, карточки социального страхования и даже практика снятия отпечатка ступни новорожденного. Но ни в одной стране мира институты учета граждан не используются как государственные инструменты для управления миграцией, движением рабочей силы и многими другими социальными процессами. Другое дело в военное время или в условиях чрезвычайного положения, когда удостоверения личности становятся способом контроля за поведением.

В нашей стране паспортная система используется для контроля за поведением. Это означает, что все послевоенные десятилетия население страны находится на режиме военного положения. Казалось бы, чего безопасней? Однако административный режим не обеспечивает достижения именно тех целей, ради которых он существует. Опубликованные в прошлом году данные криминальной статистики демонстрируют, что даже учетную функцию паспортная система не выполняет. Иначе чем объяснить то, что каждый час

в стране исчезает бесследно два человека?

Эта система сама по себе порождает многие преступления и нарушения моральных норм: проживание без прописки, прописку за взятку, браки ради прописки, спекуляцию жильем и документами. И в то же время неподготовленный отказ от паспортной системы и отмена фактического военного положения чреватой социально-экономической катастрофой потому, что все институты нашего государства так или иначе зависят от прикрепления людей к месту работы и жительства. И здесь нас подвела мания безопасности. Очевидно необходимо разрабатывать способы плавного некатастрофического перехода от существующей системы прикрепления людей к месту работы и жительства, к рынку жилья и рабочей силы. В противном случае все экономические новации перестройки обречены на неудачу.

Десятилетиями государство разрешало внутренние конфликты административными методами или экспортировало свои проблемы, делая их достоянием всего мира. В результате внутренние конфликты достигли такого напряжения, что переходят в погромы, а экспорт напряжений заставил мир вооружиться. Карибские события 1962 года, арабо-израильские войны, афганская война продемонстрировали государству, что этот путь тупиковый и что вполне возможны такие формы противодействия, которые могут уничтожить не только его самого, но и всю ойкумену.

Перестройка означает признание государством небывалого в истории человечества кризиса, когда ни одна из сложившихся форм государственного поведения не приводит к позитивным результатам. Более того, ни одна из форм теневого поведения, по видимости противодействующего государственному регулированию социальных отношений, не позволяет ни людям, ни государству решить их проблемы. Ведь теневая экономика, идеология, политика и все остальное возникли в противодействии государственному регулиро-

ванию и лишь дополняют его. Они позволяли людям выжить в условиях тотального государственного контроля, но не могут быть основой нормального человеческого существования.

Исходные принципы организации и функционирования ВЧК — НКВД — МВД — КГБ определяют государственную безопасность, как безопасность государства от внутренних и внешних врагов, реальных либо мнимых — но не как безопасность граждан этого государства. Нынешние службы безопасности — лишь маленький фрагмент несравнимо более мощной системы НКВД в свое время строившей водохозяйственные объекты и атомные города, ведавшей заготовкой леса и добычей стратегического сырья, обеспечивавшей научно-технические прогресс в оборонной технике. Сегодня это — именно те области, с которыми связаны самые страшные технические, экономические, экологические и политические катастрофы и просчеты. Оборонные министерства, Главное управление по охране государственных тайн в печати, Главное архивное управление при Совете Министров, Министерство внутренних дел и Комитет государственной безопасности несут в своей структуре и способах деятельности следы происхождения от НКВД. В производящих министерствах гипертрофирована секретность, и службы обеспечения безопасности имеют право первого голоса при решении всех вопросов. МВД и сегодня по объему производства — одно из наиболее мощных министерств.

Все, происходящее от этого сталинского дитяча, испытывает глубокое внутреннее сродство друг к другу, взаимное тяготение и зависимость. Режимные организации лишь искусственно разведенные части единого целого, которые, как капельки ртути, при первой возможности сливаются. Об этом свидетельствуют опыт ликвидации Чернобыльской катастрофы, где практически мгновенно возник «Комбинат» — уменьшенная версия НКВД. Это взаимное тяготение — не просто любопытный феномен, это — объективная необходи-

мость. Свои производственные функции мутанты эпохи обострения классовой борьбы могут выполнять только в условиях строгого режима, секретности, насильственного принуждения к труду и ограничений на смену мест работы и жительства. Техническая отсталость, диагностированное разведкой, стимулирует усилия по ее преодолению, то есть по организации новых и новых секретных производств и институтов. А секреты надо охранять! И возникают новые первые отделы, и новые ставки в организациях, ведающих охраной. Этот вид социального онкогенеза связан с самой сутью репрессивного государства.

Опыт нашего развития показал, что в условиях секретности и лагерного режима можно осваивать отдельные со-

временные технологии, но нельзя обеспечивать научно-технический прогресс, то есть смену технологий. Для разработки и производства каждого нового достижения технической мысли приходится создавать свою зону, секретное конструкторское бюро или научно-исследовательский институт. Раз созданные, эти организации живут по собственным законам и производят то, что в условиях современной гонки вооружений и технического обновления быстро теряет смысл. Только рыночные отношения и свободное, не стесненное режимными организациями творчество смогут обеспечить нашей стране необходимый военно-промышленный потенциал и позволят обойтись без униженного для великой страны подглядывания за чужими секретами и прими-

Причина — непрофессионализм

Принимаю предложение В. Пронякина (№ 4, 1989 г.) участвовать в гласном обсуждении вопроса о месте органов госбезопасности в правовом государстве. Меня как сотрудника органов КГБ его рассуждения весьма затронули. Я долго подбирал нужные слова для ответа, но затянул время, в течение которого произошли определенные события, которые сами по себе дают ответ на вопросы, поставленные В. Пронякиным. Первое, это утверждение на сессии Верховного Совета СССР председателем КГБ Крюкова В. А. На мой личный взгляд, выступление народного депутата Ельцина Б. Н. при обсуждении кандидатуры В. А. Крюкова вскрыло наиболее большую точку в системе наших органов: их повсеместное

непрофессиональное использование отрицательно влияет на обеспечение государственной безопасности нашей страны. Кроме выполнения наших основных функций, которые закреплены в советском законодательстве как компетенция органов КГБ, мы занимаемся массой дополнительных дел, которые нам приходится выполнять на основе устных указаний вышестоящего руководства, не определенных никакими приказами и инструкциями. А от этого множества дел профессионализм в работе не растет, а понижается. У нас происходит примерно то же, что и в Советской Армии, когда вместо боевой подготовки советские воины занимаются выращиванием свиней, сбором урожая, гражданским строительством и т. д.,

тивной кражи продуктов современных технологий.

Судороги секретно-режимного государственного устройства — памятные всем нам борьба с «нетрудовыми доходами», отлавливание людей на улицах и в банях, репрессии против больных людей-алкоголиков, массовые аресты хозяйственников, пытавшихся хоть как-то стимулировать производство, уголовное преследование сотрудников правоохранительных органов, пытавшихся бороться с организованной преступностью, были отнюдь не началом перестройки, а агонией застоя, попыткой вернуть страну во времена культа личности. Я думаю, именно неудача репрессивных мероприятий вызвала к жизни стремление руководства партии и государства к изменению принципов функционирования и организации всей политической системы нашего общества, стремление к

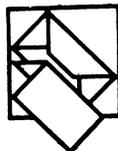
демократизации, гласности и плюрализации общественных отношений. Всем стало ясно, что выбран неверный путь и что разрешенные отношения просто фикция, прикрывающая какие-то опасные теневые реальности, никак не контролируемые государством. И перед гражданами, заплатившими страшную цену за «государственную безопасность», неожиданно встала проблема обеспечения безопасности реальной, для себя и своих детей.

НЕОБХОДИМОСТЬ

Сегодня в стране формируется новая социальная структура, и вместе с ней — принципиально иные аспекты государственной безопасности, новые ее функции. Однако для них нет соответствующей исполнительной структуры.

Государственная безопасность — это в первую очередь безопасность его

ПОЧТА

о чем почему-то с гордостью, а не с возмущением сообщает в одном из газетных интервью начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР М. Моисеев.

Приходится выполнять часть функций, не свойственных органам КГБ, например, таких, о которых убедительно рассказал в «Огоньке» № 29/89 г. сотрудник КГБ в отставке Я. Карпович, занимавший достаточно солидное место в системе органов госбезопасности. Лучше чем он, я эту проблему не освещу, так как нахожусь на значительно низшей должностной ступени. Тем не менее, осмелюсь высказать мысль, что пока в высшем эшелоне нашей партии и государственной власти не будет большинство таких людей, которые мыслят о роли и

значении органов КГБ так же, как и Б. Н. Ельцин, — в системе органов КГБ в ближайшее время кардинально ничего не изменится, и призыв В. Пронякина повиснет в воздухе. А происходит все это по одной простой причине: органы КГБ до сих пор работают под руководством партии, подчиняясь формально Совету Министров, а не Верховному Совету СССР. Хотя есть надежда, что комитет Верховного Совета по вопросам обороны и государственной безопасности своими активными действиями и установлением реального контроля за деятельностью органов КГБ за короткий срок сможет изменить существующее положение.

Юрий ПЕТРЕНКО,
г. Москва.

граждан. И мы хотим быть уверенными в том, что нас не отравят и не облучат, не прирежут в подъезде собственного дома, не заразят СПИДом, не сожгут в вагоне железной дороги, не угонят самолет, на котором летим в командировку, в Ливию или Иран. Государственная безопасность — прежде всего не взрывающиеся телевизоры, чистый воздух и вода, полные прилавки в магазинах и уверенность в том, что ребенок вернется из школы или детского сада в физической и психической сохранности. Но такой безопасности у нас нет.

Все мы знаем, что «граница на замке», а научный сотрудник оборонного института, пытавшийся продать разведке развивающейся страны документацию об энергетической установке советской подводной лодки, пойман нашими доблестными чекистами. Знаем, но не понимаем, чем нам угрожала расстрелянная на контрольно-следовой полосе корова и какую ценность, кроме исторической, имеют сведения о пожароопасных системах тонущих подлодок.

Система государственной безопасности нуждается в перестройке, как и другие его институты.

Сегодня, однако, о перестройке спецслужб можно говорить с большой натяжкой. Меняются формы деятельности и объекты интересов, но не охранительно-сыскное содержание. Концепция перестройки структуры и функций репрессивных органов отсутствует — при том, что на 1990 год намечено принятие Закона о государственной безопасности. Это неудивительно, ведь и у перестройки нет законченной концепции.

Создание концепции государственной безопасности, сочетающей защиту интересов граждан с охраной государства от деструктивной активности, требует всенародного обсуждения и теоретического исследования независимыми от существующих специальных служб организациями. В этом важном для всех деле никак нельзя проявлять поспешность и опираться на авторитеты, — ведь это авторитет работников этих служб или авторитет тех, кто выступает против них.

Отдельные функции специальных служб, конечно, должны сохраниться в другом организационном оформлении. В частности, политическая разведка в условиях информационного общества и прокламируемой концепции «общего дома» должна быть, наверное, более тесно связана с внешнеполитическим ведомством, чем с военным. Техническая разведка, как и экономическая, необходимы перестраивающемуся государству, как и любому другому. Но деятельность их должна перестать быть самоценной. Система политического сыска, как показали кровопролитные мятежи последнего времени, совершенно неэффективна. Заверения руководства КГБ о том, что они информировали власти о готовящихся событиях, лишь демонстрируют неадекватность этой деятельности: для общества важен результат, а не то, что осведомительная работа велась по инструкциям.

Система политического сыска и сейчас, судя по политическому статусу руководства органов безопасности, выполняет функцию регулятора политических процессов и отношений. Она занимает то же функциональное место, что и нарождающиеся политические организации. Поэтому противодействие специальных служб проявлениям политической деятельности можно рассматривать как конкуренцию между реликтовыми государственными институтами и перестроечными новациями. Изменение политической организации общества, которое стало содержанием деятельности Съезда народных депутатов, несовместимо с сохранением служб, созданных для подавления любых форм политической активности.

Государство должно, наконец, взять на себя заботу о безопасности своих граждан, какими-либо путями оказавшихся за границами страны, и отказаться от стереотипа, позволяющего любого человека, контактирующего с иностранцами, считать потенциальным агентом иностранной разведки. Необходима новая концепция секретности, и надо надеяться, что общесоюзная про-

(Окончание на стр. 24)

Не по лжи — и жить, и действовать

В № 2/89 вашего журнала я прочитал призыв Александра Солженицына и послесловие Игоря Виноградова к нему. Не хотелось бы принимать обе эти публикации без замечаний. Полагаю, что в основе вопроса мы едины: мы хотим создать более хороший, более справедливый мир — мир без лжи. Однако ведут ли желаемые, с точки зрения А. Солженицына, пути к такому миру?

Лбом стену не прошибешь, поэтому такие рецепты, как бойкот лживых средств массовой информации, потерять работу, а то и университетское будущее во имя своего правдолюбия, отвергать собрания, лекции, театральные спектакли и кинофильмы из-за того, что там все ложь, — эти рецепты кажутся мне сомнительными: они не революционные. Своих врагов надо знать и надо уметь опровергать их доводы умно и со знанием дела. Порой следует отступить на шаг, чтобы затем сделать два шага вперед. Не всегда просто отличить ложь от правды, не всегда легко различить, разглядеть врага, ведь сегодня многие из них маскируются под «борцов за перестройку». И ведь маскируются прежде всего те, которые не бойкотируют, а разглядели и уяснили свои шансы к нужному времени. Да и Солженицын ведь пишет: «...Для каждого она (граница лжи) еще по-разному видна...».

Но предпосылки для дифференцирования у Солженицына недостаточно далеки. В его воззвании сквозит ожесточение — по праву очевидное, однако оно, как мне кажется, слепо к реальностям.

С другой стороны, воззвание Солженицына в одном месте представляется мне недостаточно твердым,

настойчивым. Он пишет: «Пусть ложь все покрыла, пусть ложь всем владеет, но и в самом малом упрямся: пусть владеет не через меня!»

Я понимаю: это первый, маленький шаг, но ведь тот, кто лишь молчит, тот участвует во лжи. Сам Солженицын не делает этого. Ведь разве арестовали и выслали того, кто лишь молчит? Нет, такой человек не опасен для лжи. Одного лишь бойкота самого по себе мало — и потому бойкот есть неверный путь.

Демократия — это некое (нередко медленное) развитие, эволюция, а не состояние. Успеха против лжи достигают те люди, которые инициативно, энергично используют формально действительно существующие структуры.

Гангренозный рубеж морального растения определить нелегко, все должно быть при этом учтено весьма точно. Сколько правды у Солженицына, столько и избытка у Виноградова, за счет способности к дифференциации. И воодушевление Виноградов придает воззванию Солженицына кажущуюся актуальность, которой в нем, в его строго ограниченном видении, по-моему, нет.

В принципе, я согласен с обоими авторами, но прошу их быть более точными; больше дифференциации, поменьше стереотипов мышления, поменьше черно-белых оценок.

Хорошо, что журнал «Век XX и мир» публикует много противоположных позиций и мнений. Таким путем народ сможет, наконец, «знать все и судить обо всем». Этого когда-то требовал Ленин.

**Мартия ШРЕДЕР,
ГДР.**

ИСКУШЕНИЕ СВОБОДОЙ

Михаил БЛЮМЕНКРАНЦ

Долгое время мы были лишены той части существования, которую Аристотель причислял к основным потребностям человеческой природы. Назвав человека «общественным животным», античный философ не предвидел наступления эпохи, когда чем больше в животном становилось общественного, тем меньше в нем оставалось человеческого. Государство создало послушный аппарат общественного мнения, и если не протестовать открыто, то, по крайней мере, не участвовать в хоре, симулирующем единство партии и народа, — уже было позицией порядочных людей. «Попав в пустыню, — копей колодец», — эта формула декларировала уход от всех видов сотрудничества с режимом, и при невозможности реализации в общественной жизни — пути в ширину — погружение в жизнь личную, в духовный поиск, во внутреннее противостояние построенному на лжи и низости миру — путь в глубину. Вытесненные из времени обживали Вечность.

Теперь обстоятельства переменялись; незримый пресс, вдавливающий нас в социально-стандартную норму, исчез. Мы вышли из катакомб и оказались лицом к лицу с самими собой. Встреча получилась не радостной — мы в невесомости. У некоторых даже проснулось что-то вроде ностальгии по вчерашней камере. Мы так привыкли искать свободу внутри несвободы, обретать свое «я» в противостоянии системе, ощущать свои духовные мускулы в противоборстве с суровыми законами жесткого идеологического тяготения! И вдруг оказалось, что мож-

но жить совершенно открытыми, не преодолевая при этом на каждом шагу сопротивление враждебной среды, говорить правду не языком Эзопа (этим эсперанто тоталитарных режимов), а так же просто, как прежде лгать.

После десятилетий испытания рабством мы вступили в период испытаний свободой. Раньше у нас не было выбора или, вернее, в силу выбора сделанного однажды, не было искушений — любой блуд с властью автоматически отбрасывал по ту сторону представлений о человеческой порядочности. Это делало жизнь более скудной, зато более цельной. Мы были обречены на аскезу, так как миру нечем было нас соблазнять.

С одной стороны, был узкий вход в космос общечеловеческих ценностей, были книги, была музыка, были страстные споры ночи напролет с друзьями-единомышленниками: о смысле истории, о добре и зле, о стихах, о Боге... С другой, — тощая официальная действительность с ее привычным идиотизмом, с непроходимой пошлостью унылого быта. Мы были заперты в ореховой скорлупе и считали себя властителями бесконечного пространства, и нам тоже снились дурные сны. Наша свобода была тайной свободой, украденной у несвободы. Мы владели ею незаконно, против правил, зная, что в один прекрасный момент ее постараются отобрать. К этой предстоящей схватке готовилась и собиралась душа.

Но вот внешняя свобода оказалась подаренной, и притом не в обмен на свободу внутреннюю. У Сизифа ук-

рали камень, и он не знает, чем его заменить? Камень помогал Сизифу выстоять в нравственном единоборстве с богами. Его проклятье являлось его избранничеством. Его отторгнутость была его связью. Его одиночество говорило с ним тысячами голосов. Давление извне повышало уровень давления внутри. Личность зарождалась и складывалась в процессе сопротивления нивелирующим силам чужой действительности. В этих условиях происходила кристаллизация ее духовной структуры. Чтобы состояться, требовалось одно — выстоять.

Сегодня этого мало. Надо уметь шагнуть в пустоту, победить плен несвесомости. Нужно находить пути в ширину, не изменяя глубине. Жить на поверхности, оставаясь повернутым к сути. Учиться не свободе от мира, а свободе в миру. Сегодня необходим новый ответ на духовный вызов, брошенный временем, необходим другой нравственный опыт.

Сизиф учится жить без камня.

* * *

Время очень быстро приучило нас к событиям, сама мысль о возможности которых еще лет пять назад рассматривалась бы даже не как фантастика, а как чистый бред. И даже покушающееся на основное завоевание нашего строя ироническое замечание Леха Валенсы о том, что Польше, видимо, предстоит преодолеть первый в мировой практике опыт перехода от социализма к капитализму, была встречена информационной программой «Время» без обычных огнестрельных эпитетов.

Но среди звуков фанфар все явственней, все тревожней проступает потаенная тема Судьбы. И дело здесь не в том, что из-за кулис праздничной сцены временами все громче слышится гуд моторов и лязг гусениц, не в том, что входящие во вкус участники нет-нет, да и поглядывают в сторону, ожидая окрика режиссера, и даже не в том, насколько необратима происходящая на наших глазах смена декораций. Проблема в духовной обеспе-

ченности происходящих процессов, в соответствии стоящих задач нравственному и культурному уровню нашего общества.

В свое время Герцен писал о том, что нельзя освобождать человека внешне больше, чем он свободен внутренне. Освобожденный раб станет тираном. Насколько нам удастся освободиться от раба в себе, настолько мы гарантированы от очередного порабощения властью.

Еще недавно огромная страна казалась при смерти. Теперь мы видим, что Лазарь, к удивлению многих и себя самого, потихонечку воскресает. Но процесс воскрешения стимулируется пока не чувством любви, а чувством ненависти. Ненависти национальной, ненависти социальной, ненависти классовой... Какой пасьянс разложится завтра? На одной ненависти далеко не уедешь. Гусеничный ход — не самый верный способ движения демократии.

Впервые за всю многовековую историю своего существования человечество вплотную приблизилось к трагической дилемме: или оно станет нравственным, или его не будет вовсе. Без решения этической задачи современное человечество не сумеет решить самую глобальную из всех стоящих перед ним сегодня проблем — проблему выживания. При наличии современных методов истребления жизни мы не имеем права на бескультурие, вытекающее из мироотношения, сформированного нашей цивилизацией, в основе которой — отъединенность от всего живого и постоянная агрессия ко всему, что отъединено. Мы похожи на человека, который пытается уничтожить свое отражение, для того, чтобы вернуть свою целостность. Но целостность ускользает от нас, как ускользает и само отражение.

Мы бросились возрождать утраченные традиции с тем же нетерпением и пылом, с каким еще недавно их истребляли. Однако возрождать следует не традиции, а духовную преемственность, потому что любая искусственно возрожденная традиция без духовного обеспечения будет выглядеть как ве-

чевой колокол на черной майке активиста «Памяти». Беда в том, что нами утрачены не только традиции, а нечто более важное. В нашей общественной жизни утрачена былая духовная вертикаль, и все вопросы решаются только по горизонтали. Горизонталь же хороша только для обсуждения экономических, политических и социальных задач в духе плюрализма. Не будучи подкрепленной вертикалью, то есть не имея абсолютных духовно-нравственных ориентиров, одна горизонталь не способна вывести наше общество из кризисной ситуации. Пока на судне заделывают одну пробоину, в других местах возникает несколько новых.

Такая опасность обнаруживается и в стихии национальных движений. Национальный вопрос в нашей стране — это узел, в котором завязаны в одно и перспективы демократизации, и возможности нового тоталитаризма. Что победит — сказать мудрено. Ясно одно — решение этих проблем невозможно в условиях империи. Но империя — это не только политическая система, это еще и состояние души.

Имперский принцип вошел в плоть и кровь большинства населяющих империю народов. События последних месяцев об этом неоспоримо свидетельствуют. В национальных движениях всег-

да существует тонкая, часто едва уловимая грань между патриотизмом и национализмом. Первый, к сожалению, имеет тенденцию временами перерождаться во второй, что происходит, когда национальный принцип становится главным мерилom ценностей и отличий и подменяет собой более высокие по иерархии общечеловеческие ценности, те, для которых неть ни эллина, ни иудея. Тогда выбор между добром и злом оборачивается выбором между «народом-богоносцем» и «народом-вредителем», и пятый пункт заменяет наказаниями десять заповедей Божьих. Подобное состояние Н. А. Бердяев именовал рабством у национализма. При нашем духовном дефиците и всенародной тоске по «королевской идее» — национализм, в силу своей доступности и притягательности, становится одним из сильнейших соблазнов для истосковавшихся по позитивным началам душ.

Кривое зеркало, искорежившее жизнь миллионам глядевших в него, разбито вдребезги. Но теперь возникла другая опасность — бесчисленные осколки кривого зеркала носятся в воздухе и проникают в сердца холодом ненависти и злобы. Мы должны отчетливо сознавать, что до тех пор, пока эти осколки находят доступ к нашим сердцам, империя кривых зеркал нерушима.

(Окончание со стр. 20)

грамма рассекречивания не ограничится косметическими ухищрениями.

И уж, конечно, глава государства должен узнавать мнение народа о себе — вместе с народом — из газет, куда давали бы информацию независимые агентства и институты исследования общественного мнения. Это будет стоить много дешевле, чем содержание армии непрофессионалов-социологов, результаты работы которых трудно или невозможно проверить. Да и институт «стукачей» не украшает нашу новую нарождающуюся государственность.

Хотелось бы, чтобы органы государственной безопасности, выполняя свои разведывательные и контрразведывательные функции, защищали нас от коррупции и злоупотребления властью, от террористов и производителей наркотиков, от организованной государственными чиновниками преступности и государственной плановой анархии. А мы, простые граждане государства, живя в безопасности, может быть, обретем способность к нормальной жизни в нормальном государстве, которое не боится нас, — и мы перестанем бояться его.

ТЕ, КТО НЕ ЖАЛОВАЛСЯ

Беседа с Верой Зелендиновой, одной из тех, кто помогал выжить семьям политзаключенных

— Только недавно я поняла: от перестройки мне нужно главным образом милосердие. Но, несмотря на объявленную кампанию, милосерднее мы пока не стали. Почему? Может быть, чтобы ответить на этот вопрос надо попристальнее взглянуть в день вчерашний и попросить, например, вас поделиться нетрадиционным для нашего общества опытом работы в Русском общественном фонде помощи политзаключенным?

— Мне кажется, отношения, складывающиеся по поводу благотворительной деятельности, — важнейший показатель здоровья государства и общества. И Русский общественный фонд стал как бы лакмусовой бумажкой в реактивном растворе. Еще в начале 80-х понятие «милосердие» было чуждо нашему обществу. Это закономерно: многие годы, начиная со школы, нас учили: нужно быть добрым и нельзя быть «добреньким». А милосердие — это удел добреньких.

Сначала, после первых политических процессов конца 60-х — начала 70-х, деньги для помощи осужденным собирались от раза к разу. И уже тогда государство в лице правоохранительных органов позволяло себе вмешиваться в дела личной благотворительности, допытываясь, кто собирал, кто сдавал, кто, как и почему передавал. Тем самым власти пытались превратить вопрос материальной помощи в вопрос политический. К счастью, в советском законодательстве нет статьи, запрещающей передачу своих денег в пользование друзьям...

Поводом для формального образования фонда послужило, как это часто

бывает при создании фондов самого разного назначения, крупное пожертвование — пожертвование Александром Исаевичем Солженицыным в пользу фонда всех доходов, получаемых за издание книги «Архипелаг ГУЛАГ». Это обострило и без того нелегкие отношения благотворительности и государства. Списки политзаключенных, сведения о составе их семей и адреса забирались на обыск. Их приходилось иметь в нескольких экземплярах, скрывать. Ведение простейшей отчетности влекло за собой опасность и для тех, кто получал помощь, и для составителей: нас обвиняли в связях с ЦРУ, требовали признаний, за какую деятельность против государства нам платят. Официально объявляемых распорядителей фонда один за другим сажали в тюрьму и принуждали к эмиграции. Фонд, располагающий немалыми средствами и оказывающий регулярную материальную поддержку политзаключенным и их семьям, воспринимался властями как серьезная опасность. Хотя цель, сформулированная Солженицыным и записанная в статусе Фонда, предельно ясна и лишена всякого политического подтекста: «Помочь выжить физически заключенным и их семьям. Однако вместо хотя бы нейтрального отношения, вполне пристойного для цивилизованного общества, легальная благотворительная организация была объявлена вне закона. Фонд одним фактом своего существования вступил в конфликт с государством. Точнее, государство вступило в конфликт с фондом.

— Может быть, это произошло потому, что вы действовали от имени заклю-

того врага страны? Может быть, стоило обратиться за помощью в официально признанные общественные фонды и организации?

— В 1968 году Анатолий Марченко отправил в различные инстанции письмо о положении в советских лагерях — о питании, о способах перевоспитания и пр. Письмо заканчивалось словами: «Требуйте гласного расследования положения политзаключенных. Требуйте опубликования «Положения о лагерях и тюрьмах». Требуйте немедленного отстранения от «воспитательной» работы кадров сталинских концлагерей. Ведь преступление начинается не с дымящих труб крематориев и не с пароходов на Магадан, переполненных заключенными, — преступление начинается с гражданского равнодушия».

И вот ответ из Союза обществ Красного Креста и Красного Полумесяца от тогдашнего заместителя председателя Исполкома Ф. Захарова: «...Исполком считает необходимым кратко отметить, что наше законодательство и наше советское правосознание рассматривает людей, которые подняли руку на завоевания Октября, как совершивших самое тяжкое преступление перед своим народом и заслуживающих суровой кары, а не каких-либо поправок и послаблений. В свете сказанного делается очевидной вся несостоятельность и всех других утверждений».

Но еще хуже было пассивное неприятие нашими людьми идеи благотворительности — простой идеи братства людей, обязанности сильного по отношению к слабому, богатого — к бедному, здорового — к больному. Общественное мнение никак не прореагировало на травлю Фонда в печати и репрессии властей по отношению к его деятелям. Получалась жутковатая игра: государство навязывает Фонду политическую роль, обвиняет в связях с ЦРУ и ведении подрывной работы, а общество легко принимает эту постановку вопроса, потому что не ищет никакой другой. Даже люди, которые в состоянии допустить факт простой благотворительности, не понимали, почему она должна распространяться на

«врагов». Когда «Аргументы и факты» поместили результаты анкетирования, проведенного советскими и французскими социологами, на вопрос: «Считаете ли вы необходимым досрочное освобождение лиц, именуемых на Западе диссидентами?» из 1000 опрошенных москвичей «за» высказались 27 %, против — 42 %, остальные не имели мнения на этот счет. Ничего удивительного, что деньги, собираемые внутри страны, не шли ни в какое сравнение с гонорарами Солженицына. Могли ли мы скрывать его доброе имя? Это было бы ложью, которая противна самой идее милосердия.

— Диагноз, поставленный вами, — крайняя политизация общества. Именно это мешает нам быть нормальными?

— Даже сознание некоторых людей, причастных к деятельности Фонда, было отравленным. Не имея другой позиции, кроме отрицания официальной идеологии, они были не в состоянии отключиться от нее и попытаться понять, как же она в действительности относится к тому или иному явлению и насколько их отношение соответствует истине. И вот, глубоко лично порядочные люди, получая помощь, начинают чувствовать, что они должны теперь ее как-то отработать, другие, быть может, менее порядочные, считают, что им все должны, раз они — политические. Полученные «даром» деньги, бывает, поощряют иждивенчество у тех, кто, не понимая сути благотворительности, забывает, что в конечном счете мы все должны жить самостоятельно, стараясь приносить посильную пользу другим. Человек должен отдавать нуждающимся деньги, силы, время, идеи, — и уметь спокойно и с благодарностью принимать помощь дающего — но стремиться-то надо отдавать!

Насколько в нашем обществе политика поглотила христианскую благотворительность хорошо видно из бесед с работниками КГБ.

«Вы своей помощью инспирировали заключенных на выражение в зонах недовольства!», — говорил мне один. Я просто недоуменно развела руками. Оттого, что ребенку пошлют игрушку к празднику, папа будет бунтовать про-

тив лагерной администрации? Или: «Вы своей помощью инспирировали женщин писать в ООН, чужим президентам и обращаться в другие враждебные инстанции. Вы мешаете нашей борьбе за мир!» Я отвечала, как думала: «Если доведенная до отчаяния жена, обстучавшаяся во все двери, обращается к Рейгану, она не имеет в виду развязать мировую войну, — она хочет, чтобы помогли ее мужу, все равно кто и как».

Я думаю, наши преследователи были искренни в полном непонимании сути неполитической деятельности. «Неужели вы ничего с этого не имели? Ах, какая вы бескорыстная!» — это говорилось с невыразимой издевкой.

— К сожалению, опыт, накопленный вами, в основном отрицательный? А что было положительного?

— Сама работа. Я занималась в основном покупкой и рассылкой подарков — на пасху, на дни рождения, на рождество. Через меня шли тысячи и горы вещей и игрушек для примерно 1200 детей в возрасте от одного до десяти. И надо было, чтобы подарки не были бессмысленными: с одной стороны, в радость, а с другой, — в помощь. Мы знали не только мерки, но и пристрастия детей. Старались старшим дарить то, что потом бы пригодилось младшим. У семьи не должно возникнуть проблем, кого кормить, — заключенного мужа или детей. Мы старались помочь даже в спорных случаях, чтобы случайно не оставить без поддержки того, кто в ней нуждается. Мы записывали, что именно посылали, что-

бы не повториться. Работа для большой конторы! И так — четыре года.

Обыск у меня был как раз в разгар паковки подарков. Все по дому разложено — железные дороги, носочки, какая уж там политика. И когда следователь московской городской прокуратуры Воробьев пугал меня какими-то статьями, я отвечала ему: «Жизнь богаче ваших статей. Жизнь идет и статьи корректирует».

Знал ли Воробьев тогда, что через полгода он вылетит с работы? И что «враги» выйдут на свободу и будут безнаказанно заниматься миротворчеством?

Вы спросили меня, почему я не обращалась в Красный Крест? Не только потому, что это было бессмысленно, — указ о лишении Солженицына гражданства до сих пор не отменен. Я и сейчас, если захочу что-то делать, буду делать то, что захочу, а не просить об этом. Есть люди, которые просят, и люди, которые делают. Если ты умеешь давать, тебе не стыдно и взять. Давать и просить — две стороны одной медали. Но можно довести себя до такого состояния, когда тебе нечего дать. Если человек весь раздерган, озлоблен, ненавидит — он никому ничего не даст. Стремиться надо устроить свою жизнь так, чтобы всегда было что давать. Надо навести порядок в своей душе и в своем доме. Чтобы всегда были соль, спички, хлеб — вдруг соседям что понадобится...

**Беседу провела
АЛЛА ГЛЕБОВА**

ЧЕРЕЗ РАЗНОГЛАСИЯ — К СОГЛАСИЮ

Ирина БАЗИЛЕВА,
Питер ЭМЕРСОН

Прошедшие в этом году в СССР первые демократические выборы и состоявшийся в мае-июне I Съезд народных депутатов продемонстрировали, что существующая система принятия решений по принципу большинства, как правило, порождает ситуации неоправданных конфликтов. Есть ли другая система, более адекватно и конструктивно отражающая волю граждан? По мнению авторов, таковая имеется и уже начинает находить практическое применение. Советское общество переживает время учебы. Сегодня существует реальная необходимость ознакомиться с новой системой оценки общественного мнения, учитывая, что впереди у советских граждан выборы в местные советы депутатов трудящихся, а у Верховного Совета — большая и серьезная работа по демократизации политической системы.

Сегодня понятие демократизации прочно вошло в наш обиход. Для советского общества — это процесс установления демократии, которая, как ныне уже признано, никогда не была в полной мере осуществлена в СССР. Собственного демократического опыта советское государство не имеет. И совершенно естественно, что делать это приходится не без оглядки на опыт стран с традициями плюрализма и ответственности.

Ирина БАЗИЛЕВА — юрист-международник, до 1986 года работала в ИМЭМО АН СССР, в настоящее время работает переводчиком, занимается публицистической деятельностью.

Питер ЭМЕРСОН — ирландский писатель и путешественник, член партии зеленых, в 1986—87 гг. изучал русский язык в Москве, с 1988 года работает переводчиком в издательстве «Прогресс».

Прошедшие в СССР выборы и Съезд народных депутатов несомненно показали, что демократизация действительно происходит. Возможность выбора между несколькими кандидатами вызвала огромный рост политической активности граждан. А это является необходимым условием демократического процесса. Можно сказать, что первый урок традиционной демократии оказался полезным.

Но есть и вторая сторона медали. Выборы, и особенно I Съезд народных депутатов, стали ареной жестких столкновений, продемонстрировали возможность принятия большинством несправедливых решений и породили неудовлетворенность и у многих избирателей, и у многих депутатов. Таким образом, оказалось, что принцип большинства, являющийся основой существующих демократических систем, не обеспечивает создания общественного согласия, которое необходимо для конструктивной политической, экономической и

социальной деятельности современного государства. С одной стороны, открытость общества, доступность средств массовой информации, легкость передвижения являются факторами, сближающими людей, приобщающими каждого человека к существующим многообразным проблемам. С другой стороны, сегодняшнему обществу свойственна дифференциация интересов. Существование различных общественных организаций, профсоюзов, неформальных объединений говорит о том, что разными людьми движут разные стремления, и каждый хочет иметь возможность их выразить.

Однако человек, живущий сегодня, не может не сознавать свойственную нашему миру взаимозависимость общественно-политических процессов, которая проявляется как внутри государства, так и на международном уровне. В обществе, где все граждане равны перед законом, нельзя осуществлять свои права, нарушая права другого. Принцип демократии: «Ты свободен совершать любые действия, если они не покушаются на свободу другого члена общества». Любой здравомыслящий человек сегодня понимает, что он не может улучшить свои жилищные условия, выгнав из дому соседа. Значит, каждый член общества должен иметь гарантию, что его мнение должно быть учтено при решении любого интересующего его вопроса, например, жилищного.

В тех случаях, когда различные мнения не сосуществуют, а являются взаимомисключающими, возникает конфликт. А развитие конфликта делает спорный вопрос еще более трудноразрешимым. К сожалению, свидетельств тому в современном мире немало. Единственная возможность разрешить конфликт — это достижение общего согласия. Все другие способы исторически доказали свою несостоятельность. Любое поддержание status quo при помощи силы взрывоопасно, поскольку является постоянным нарушением чужих прав.

На международном уровне осознание этой истины началось после второй мировой войны. Создание ООН, разработка системы коллективной безопасности отразили потребности современного человеческого общества в мире и согласии. С развитием деятельности Организации Объединенных Наций стало ясным, что даже резолюции Генеральной Ассамблеи оставались простыми декларациями, если они были приняты только большинством голосов. Именно в ООН родилась процедура консенсуса, или согласования. Оно состоит в выработке общего согласия в процессе обсуждения вопроса. Если решение принято консенсусом, оно должно состоять из положений, против которых никто не выступает. Нельзя считать, что оно принято единогласно, поскольку такое решение явилось результатом компромисса. Чье-то мнение полностью совпадает с принятым решением, другие голосуют за него как за этап в достижении своих целей, третьи просто воздерживаются от возражений.

И для любого человеческого объединения характерен тот же процесс стремления к конструктивному согласию. Вообще, можно сказать, что функционирование всякой демократической человеческой общности возможно только в результате консенсуса — как необходим он и для существования семьи, при существующем равноправии мужчин и женщин.

Любое групповое усилие может принести положительный результат, только если оно осуществляется с общего согласия. Иначе происходит эффект «лебедя, рака и щуки».

Помимо конструктивности, неоспоримым достоинством консенсуса является принцип справедливости. Общественное мнение складывается из мнений всех членов общества. Значит, мнение каждого должно быть учтено при принятии всякого решения. А это возможно, если при решении вопроса, во-первых, будут выявлены все существующие мнения и все они поставлены на

голосование. А во-вторых, если при голосовании ни одно из существующих мнений не будет вычеркнуто, то есть формально уничтожено.

Учет мнения каждого члена общества при принятии политических решений совершенно исключен при системе большинства. Он исключен при любой системе, предполагающей голосование «за» и «против», то есть выбора из двух альтернатив путем формального уничтожения одной из них. Такая система способствует расколу общества на две половины и постоянную борьбу между ними. И самым главным пороком этой системы является полное отрицание мнения меньшинства при принятии решения. А ведь меньшинство — это, хоть меньшая, но часть общества.

В основе сознательной деятельности человека лежит принцип соответствия усилия и результата. Если люди совместно разводят парк или строят дом, то вклад отдельного человека в эту деятельность будет иметь материальное выражение. Поэтому парадоксальным будет поступок человека или группы людей, которые вырубят парк, посаженный другими, а на его месте посадят свои деревья. Парадоксальным, но, к сожалению, вполне вероятным. Ведь когда в Москве носили храм Христа-Спасителя, чтобы на его месте поставить Дворец Советов, осуществлялся все тот же принцип торжества победителя. А в политической жизни осуществление этого принципа еще более страшно. Меньшинство сосланных крестьян, меньшинство репрессированной интеллигенции — это миллионы и миллионы живых людей.

Люди становятся агрессивными, когда единственная возможность осуществить свои интересы — это победить противника. Ожесточенная борьба возникает при принятии решений на любых уровнях методом большинства. И советское общество приобрело такой опит как во время выборов депутатов, так и на съезде.

I Съезд народных депутатов еще раз продемонстрировал все недостатки мажоритарной системы. Именно этими

недостатками обусловлено неоднократно прозвучавшее предложение о создании фракций. Поскольку мнение меньшинства при решении вопросов на съезде, как правило, не было учтено, объяснимо желание меньшинства организационно оформиться. На съезде говорилось, что споры — это еще не демократия, что задача съезда — не раскол, а консолидация, но консолидация на плюралистической основе. К сожалению, не было названо средство для достижения такой консолидации. А ведь «консолидация на плюралистической основе» — это и есть консенсус.

Из уст многих депутатов съезда прозвучала критика мажоритарной системы. Ю. Афанасьев говорил о «машине голосования», не учитывающей мнения меньшинства. Именно этот термин, и в том же смысле, в свое время употреблялся в ООН. Альтернативой «машине голосования» и явился метод консенсуса при голосовании на Генеральной Ассамблее. Депутат А. Яблоков подчеркнул, что мажоритарная система лишила парламент многих специалистов в области экономики, экологии, культуры. Депутат предлагал более прогрессивную пропорциональную систему. Но пропорциональная система — только шаг по пути к реальному отражению интересов различных групп в принятии решений. Причем шаг, предполагающий предварительное разделение на группы по интересам. Тогда как консенсус обеспечивает справедливое представительство интересов без раскола на фракции и группы давления.

Так что же будет являться выражением демократии на съезде: борьба различных фракций за большинство или выявление общего согласованного мнения при помощи консенсуса? Если бы существовала система консенсуса, возможно, результаты выборов в Верховный Совет СССР были бы иными. Необходимо учесть, что консенсус предполагает выбор из нескольких кандидатур, а на съезде такую возможность предоставили делегатам только московская и сахалинская группы.

Да, Советский Союз пережил длительный период антидемократических выборов, когда процесс голосования

сводился в формальному, механическому ритуалу опускания бюллетеня в урну. Но вспомним весенние демократические выборы! Неужели граждане, осознанно пришедшие на избирательные участки, не испытали ни малейшего нравственного колебания перед необходимостью **вычеркнуть** фамилии всех существующих кандидатов, кроме одного? Разве этот процесс «вычеркивания человека», с его мыслями, идеями, с его программой, не бросает тень на демократический идеал каждого из нас, на наши представления о политической справедливости?

И разве те люди, против которых мы голосуем, настолько уж нам чужды? Неужели все их цели, все их взгляды противоречат нашим? Ведь это невероятно! Безусловно, для каждого гражданина есть один кандидат, наиболее полно выражающий его интересы. Но есть и другие кандидаты, которые выражают часть этих интересов, а может быть, и определенные дополнительные стремления, не нашедшие места в программе самого близкого кандидата. Так почему же необходимо вычеркнуть, уничтожить, выступить бесповоротно против кого-то? Почему бы не расставить кандидатов по местам, в соответствии со своими предпочтениями? Кто-то окажется на последнем месте, но мы признаем, что он и его программа реально существуют, отражают чьи-то интересы. **Только признание чужих интересов будет служить гарантией осуществления собственных.** Это основной закон консенсуса. И в этом заключается прогрессивность принципа общего согласия.

Принятие решений методом консенсуса является гарантией, что объективному прогрессу в развитии общественного сознания будет соответствовать прогресс политический. Иными словами, консенсус является гарантией от установления авторитарных режимов, олигархической системы власти и общественных конфликтов. Настало время, когда взаимозависимость в окружающем нас мире настоятельно требует общего согласия. Если конфликт не находит консенсуального решения, то

происходит его быстрая эскалация. Так, ситуация в Нагорном Карабахе вызвала цепную реакцию национализма по всей стране.

В политическом плане создание системы выборов на всех уровнях по принципу консенсуса в сочетании с консенсуальными референдумами, или «преферендумами», явилось бы реальным осуществлением демократии в советском обществе.

Ввиду предстоящих выборов в местные советы народных депутатов необходимо извлечь уроки из состоявшихся выборов народных депутатов СССР, которые отразили все недостатки мажоритарной системы.

В тех округах, где проводилось повторное голосование, во второй тур вышли кандидаты, не набравшие большинства в первом туре. Учитывая, что во втором туре число пришедших на избирательные участки значительно сократилось, а для того, чтобы быть избранным, было достаточно минимального перевеса, можно сказать, что избранный депутат не выражает не только общего мнения, но даже и мнения большинства.

Невыявленность истинного мнения избирателей является еще не самым существенным недостатком системы «за» и «против». Самое опасное — это возможность давления на мнение, навязывание мнения. Если в первом туре избирательная кампания, как правило, проходила достаточно конструктивно, кандидаты знакомили избирателей со своими программами, то во втором туре предвыборная борьба обострялась. Сторонники того или иного кандидата порой организовывали кампании резкой критики его соперника. Избиратели были вынуждены разделиться на два противоборствующих лагеря. В таких случаях избирательная кампания оставалась в сознании «проигравшей» половины граждан убеждение, что на съезд избран их противник.

При выборах же в Верховный Совет по системе большинства процент гражд-

дан, поддерживающих каждого избранного депутата, становится еще меньше. За меньшинством делегатов съезда стоит все же большинство их избирателей. И их мнение также остается неутраченным.

Если бы голосование проходило методом консенсуса, не было бы борьбы, не было бы противников, не было бы побежденных. Избранный депутат отражал бы общее положительное мнение о конструктивности его программы.

Если мы выражаем свою точку зрения и уважаем точку зрения других, мы участвуем в создании общего согласия. Голосуя по системе консенсуса, нельзя голосовать против, необходимо голосовать по предпочтениям. Более того, голосование консенсусом предполагает внимательное изучение программ всех кандидатов, сопоставление их со своим мнением, то есть способствует росту политической грамотности граждан. Когда граждане выразят свои предпочтения, в принятом общем мнении будет частица мнения каждого.

Бюллетень для голосования мог бы содержать такое пояснение:

«Голосуй за всех кандидатов в соответствии со своими предпочтениями. Поставьте цифру 1 напротив фамилии кандидата, чью программу Вы одобряете в наибольшей мере; поставьте цифру 2 против фамилии кандидата, чья программа для Вас занимает второе место, и т.д. На последнем месте будет кандидат, чья программа Вам нравится меньше всего. Ваш бюллетень будет действительным, только если Вы заполните его до конца, то есть

проголосуете по предпочтениям за всех представленных кандидатов».

Если кандидатов, скажем, четверо, то за каждую первую преференцию дается 4 очка, за вторую — 3 и т. д. 100-процентный уровень консенсуса при 1000 избирателей составит 4000 очков. Соотношение реально полученных очков с максимально возможным и будет уровнем консенсуса для каждого кандидата. Побеждает, естественно, кандидат с наивысшим уровнем консенсуса.

Подобные бюллетени могут использоваться и при выборах членов Верховного Совета, председателей комиссий Верховного Совета, членов Совета министров и т.д., а также при выборе варианта политического решения или принятия определенной редакции любого закона.

Следует отметить, что, хотя 100-процентный уровень консенсуса осуществим очень в редких случаях, не следует путать наивысший уровень консенсуса с большинством. Понятие большинства применимо только при голосовании «за» и «против». При голосовании консенсусом уровень консенсуса означает степень согласованности общего мнения.

В заключении необходимо еще раз подчеркнуть, что принятие принципа консенсуса есть объективная потребность современного общества, политически и экономически обусловленная тенденцией к росту взаимозависимости общественных процессов. Консенсус — это конструктивная демократия, демократия справедливости, способствующая формированию прогрессивного сознания, гармонизации человеческого бытия в обществе.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

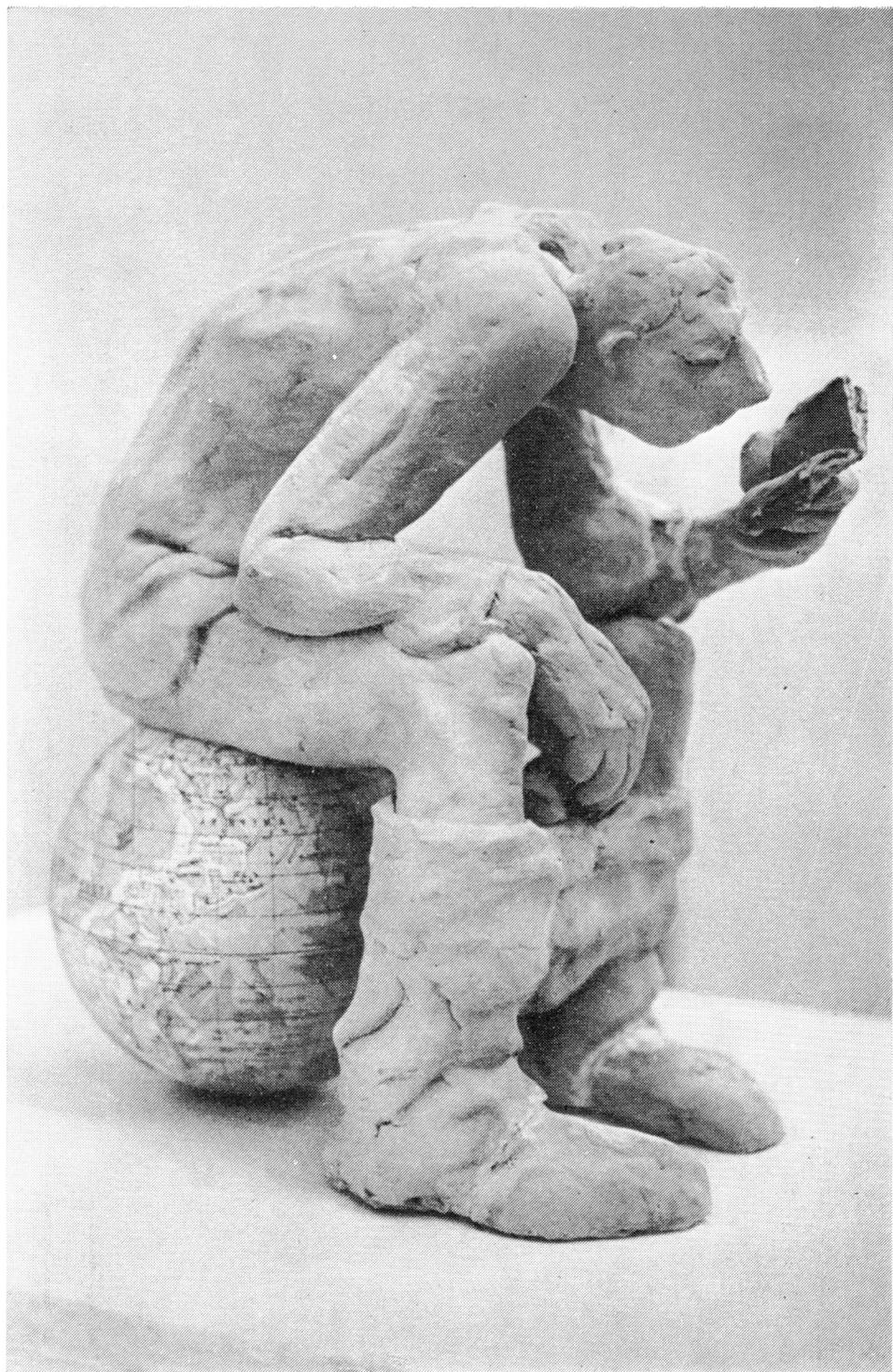
Бюллетень «Век XX и мир» № 11 (на русском языке), ежемесячный.

Напечатано в СССР. Набрано в типографии «Известий». Зак. 736.

Сдано в набор 31.10.89 г. Подписано в печать 19.01.90 г. Б—04283.

Объем 2 п. л. Тираж 114.000 экз.

Отпечатано в типографии № 6.

**БЮЛЛЕТЕНЬ
ИЗДАЕТСЯ СОВЕТСКИМ КОМИТЕТОМ
ЗАЩИТЫ МИРА
ПРИ СОДЕЙСТВИИ
СОВЕТСКОГО ФОНДА МИРА**

Основан в 1958 году
Выходит ежемесячно на русском, английском,
французском, испанском и немецком языках
Цена 10 коп.

Главный редактор
А. БЕЛЯЕВ

■ ВЕК XX И МИР ■ ■ XX CENTURY AND PEACE ■ ■ LE XXe SIECLE ET LA PAIX ■

ВЕК XX И МИР

Адрес редакции:
103009, Москва,
ул. Горького, 16/2,
тел. 200-38-07

Индекс 70188

